

Эллин Ти

Несудьба

В любви, как и в хоккее, все средства хороши

18+

Эллин Ти Несудьба

Серия «Young Adult. Любовь
растопит даже лед. Романтика
от Эллин Ти», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70650646

Э. Ти. Несудьба: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-204195-2

Аннотация

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ РОМЕО ИГРАЛ В ХОККЕЙ, А
ДЖУЛЬЕТТА БЫЛА МЕДИКОМ ИЗ ДРУГОЙ КОМАНДЫ?

«Несудьба» – потрясающая история любви двух пылающих
сердец, которым нельзя быть вместе. Для поклонников историй
Эль Кеннеди и Солы Рэйн.

Трус не играет в хоккей.

Это Серёжа Булгаков усвоил, когда пришёл в "Феникс" два
года назад. Тогда он был застенчивым и нерешительным, именно
поэтому так и не признался юной медсестре Алёне Малышкиной
в чувствах. А она так и переехала в другой город, не ответив ему
взаимностью.

Сейчас Серёжа совсем другой: смелый, по-хорошему наглый и очень сильный. Его главные враги – команда "Титан", а особенно Макс Масленников, который добивается внимания ещё более похорошевшей Алёны.

Смогут ли они вновь не потратить свой шанс быть вместе? Или все решает только победа на льду, а любовь – всего лишь препятствие?

Четвертая часть в пенталогии про нежную любовь и горячих хоккеистов из команды «Феникс»!

Приятный бонус к книге – дополнительная глава «8 месяцев спустя. Несудьба»

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эллин Ти Несудьба

© Ти Э., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Глава 1

Сергея

Ольга Сергеевна сегодня какая-то бешеная, загоняла нас так, что ноги в отказ просто. Рук не чувствую, как завтра на тренировку приходить – вообще не представляю. Мышцы все забиты, даже бутылку с водой поднять и то тяжело. Вроде мелкая и одна на целую толпу мужиков, а справляется на раз-два. Все выдохлись, сидят как неживые.

Откидываюсь спиной на стену и закрываю глаза. В раздевалке тишина, и правда все упахались, никто не ржет, даже Сава, главный наш клоун, шутки не шутит. Леха только бубнит снова что-то, что ему Сергеевна наша нравится, но я даже не хочу открывать глаза и смотреть на реакцию Тохи – тот тоже к ней явно неровно дышит и сильно к Лехе ревнует ее...

Кажется, что отключаюсь на пару минут, и прихожу в себя только от громкого голоса Егора, который заходит в раздевалку. Капитан наш, Колосов.

– Мужики, у Аленки мазь с ментолом, если надо кому – шуруйте, спасет мышцы, легче жить станет.

Почти все, кто еще остался и не ушел домой, встают с лавок и идут к Алене. Она у нас медсестрой работает, помощником врача командного. Ей восемнадцать стукнет только через пару месяцев, а тут на практике от колледжа, опыта

набирается. Аленушка мы ее называем, точно из сказки сбежала. Коса через плечо и толпа козленочков рядом.

А я сижу. Не хочу идти сейчас. Там полно мужиков, все за спасением к Аленке пошли, пусть разойдутся, а потом и я зайду.

В «Фениксе» я полгода всего, выкупили из другой команды. А Алена на месяц меньше работает. Я только-только себя на своем месте ощущать стал, когда она тут объявилась. На практику именно сюда прислали, потому что тут-то вечно у кого-нибудь то ушибы, то травмы, точно без опыта не останется.

В общем, знакомы мы с ней около пяти месяцев. И все это время я от нее без ума.

Потому что она невероятная.

Светлая, улыбчивая, нежная очень, тоненькая такая, что, кажется, можно талию пальцами обхватить без усилий. Она никогда не говорит ничего плохого и всегда вежливо отвечает на вопросы, а еще смешно краснеет. Волосы длиннющие, пальцы тонкие, глаза зеленые. Ну точно со страниц сказки сбежала.

А еще у нее невероятно милые ямочки на щеках.

Втрескался я в нее, а духу признаться не хватает. Сложно мне с этим. Почти вся команда – уверенные в себе парни, некоторые даже с перебором, а мне как раз не хватает этого. Хожу люблюсь ею, мечтаю признаться и услышать такое же признание в ответ, но сам ничего для этого не делаю. Умом

понимаю, а исправить ничего не могу.

Меня в команде уже все подкалывают, что я и с поводом и без повода в медпункт хожу, только бы Алёну увидеть. Я отмахиваюсь, конечно, ничего не отвечаю им, но, честно признаться, я реально так делаю. За пять месяцев на эту тему я слышал примерно миллион шуток и столько же пародий, но пацаны все по-доброму шутят, поэтому просто смеюсь вместе с ними и понимаю, что они абсолютно правы. Я просто хожу вокруг нее, а сделать или сказать ничего не могу.

Я с бабушкой рос, в деревне, у меня сложновато с самовыражением и верой в себя из-за этого. Там не до самовыражения было, не до знакомств и общения. И если бы на хоккей не ходил, вообще не знаю, каким вырос бы. Так хоть социализировался.

Мне кажется, если я признаюсь Алёне в симпатии, она у виска пальцем покрутит и посмеется надо мной. А потом дверь в кабинет запрет и попросит никогда к ней не приближаться. Она красивая, милая, зачем ей такой, как я? Который даже в чувствах признаться не может.

Короче, парит меня, что она может меня послать и разойдемся мы как в море корабли. А так я могу хотя бы просто наслаждаться ее обществом, дружить с ней, общаться, быть рядом хоть иногда. Несмотря на то, что мое «рядом» ограничивается или ложно растянутой поясницей, или еще чем-то, что срочно нуждается в профессиональной помощи Алёны.

Сложно, короче.

Хватаю сумку с формой, иду к выходу прямо по коридору метров семь и останавливаюсь у двери медпункта. Врача там наверняка нет, он давно перекинул все обязанности на Аленку, а сам появляется только на играх для галочки, ну и для срочной помощи, если кому требуется. Поэтому жду, пока вся команда по очереди вывалится из кабинета, и после смешка Савы в мою сторону захожу самым последним.

Красивая. Сидит за столом, пишет что-то. В халате, а волосы в косе, которую она всегда носит. Они длинные очень, до бедер достают, золотистые прямо.

Не девочка, а мечта.

Вот и мечтаю.

– Привет, – говорит негромко, заметив меня, и заправляет за ухо выпавшие из прически пряди. Залипаю на этом движении и нагло ворую еще парочку. Смотрю, как кладет на стол ручку и придерживает ту, когда она укатывается. Ловлю взглядом крошечную родинку над левой бровью. – Ты тоже за мазью?

– Да, если еще осталось, – очухиваюсь, киваю и прохожу внутрь, закрывая за собой дверь и усаживаясь на кушетку. – Плечи вообще смерть, руки не могу поднять даже. – В этот раз даже не вру, мы все сегодня еле живые.

– Снимай футболку, – говорит негромко, подходя к шкафчику с препаратами, – я намажу и разомну, завтра почти не будут болеть.

Аленка грустная, в глаза не смотрит, хотя обычно всегда

улыбается мне и порой даже мило смущается. А сейчас хмурая, без настроения, как будто случилось что-то. И спросить хочется, а, с другой стороны, выслушивать, что я лезу не в свое дело, – так себе перспектива...

Снимаю футболку, как она и велела, и присаживаюсь на кушетку спиной к Аленке. Я не могу похвастаться горой мышц и кубиками, как другие мужики в команде. Я не слишком крупный сам по себе, суховат. Поэтому даже не надеюсь, что Аленка может мною любоваться. Было бы чем, я бы перед ней без футболки только и ходил.

Холодная мазь касается плеч, от этого мурашки бегут, но теплые и мягкие руки Алены убирают весь дискомфорт. Она невероятная... Скользит по уставшим и забитым мышцам аккуратно, почти не причиняя боли, а мне в ближайшую вечность не хочется это прекращать.

– Не больно? – спрашивает негромко, надавливая чуть сильнее. Больновато теперь, но я так улетаю в какую-то свою Вселенную от касаний Алены, что буквально могу только промычать что-то нечленораздельное в ответ и продолжить наслаждаться массажем. Слишком остро. Боль от забитых мышц сплетается с удовольствием от касаний Алены и создает какой-то взрывоопасный коктейль.

Массаж заканчивается слишком резко, мне не хватает еще примерно лет сто, чтобы насладиться сполна. На часы смотрю и понимаю, что минут семь точно вот так кайфовал, но уплыл от рук Аленки, и все пролетело как один миг.

Она протирает остатки мази салфетками, чтобы я не испачкал футболку. Осторожно, вдумчиво, никуда не спеша. И за стол к себе не уходит, так и стоит рядом.

Быстро надеваю футболку, с удовольствием отметив, что рукам действительно уже стало легче, и поворачиваюсь к Алене лицом. Невозможно быть такой красивой. Чувствую себя каким-то идиотом, но я готов просто любоваться ею сутками, без лишних слов и мыслей.

Но что-то не так. Я чувствую, что что-то не так. У нее в глазах пустота, она трогает кончиками пальцев косу нервно, словно хочет что-то сказать или сделать, но не решается.

Смотрит прямо на меня, и впервые хочется решиться, послать все к черту и прижаться к ее губам. Поцеловать, обнять, рассказать, что ночами спать не могу – только о ней думаю.

Все парни в команде говорят, что Алена давно поняла, что я в нее влюблен, потому что это не заметит только слепой. Я не знаю, правда ли это, но сейчас мне как никогда хочется верить в то, что она и правда все знает. А значит, если поцелую, удивиться не должна особо.

Я набираю полную грудь воздуха, собираясь сказать ей правду. Откуда-то вдруг появляется смелость, готов выдать ей в эту секунду все, что на душе. А потом поцеловать, как мечтал.

Но она меня опережает. Выдает автоматной очередью те слова, которые я не готов был слышать никогда в этой жизни:

– Я уезжаю...

– Куда? – спрашиваю сразу как идиот. Ничего умнее не могу придумать.

– Мы с родителями переезжаем. Я не могу остаться одна в этом городе, мне приходится уезжать с ними, я... Я бы осталась, наверное, но меня ведь ничего не держит здесь, и...

И мне отчаянно хочется крикнуть ей, что держит. Что я держу, что ради меня можно остаться.

Но разве я имею на это право?

Ей все еще семнадцать. Просить ее не уезжать только потому, что у меня есть к ней чувства, – эгоизм. Я влюблен по уши, но я не могу знать, как сложатся наши отношения, если при каких-то странных обстоятельствах они все-таки начнутся. Отрывать ее от родителей и уговаривать жить одной или со мной сейчас – верх цинизма.

Именно поэтому я выдавливаю улыбку, хотя уверен, что она ни капли не выглядит искренней, и негромко желаю ей счастья в новом городе. А потом прошу не забывать команду, которая к ней так привыкла, и ухожу.

Вижу на ее глазах слезы, а у самого от этого сердце в кло-чья. Но я не могу иначе!

Не могу я умолять ее остаться, при этом ничего не давая взамен.

Получается, не судьба?

Глава 2

Алена

Получается, не судьба...

Мама говорит, что в семнадцать все влюбляются и думают, что это последний раз в жизни и что никогда больше таких чувств ни к кому не возникнет. Я не думаю так, конечно. Но я правда влюбилась, кажется...

Сережа мне с первого дня практики в их команде понравился. Он не такой, как все. Достаточно скромный, не наглый по сравнению с другими. А еще он всегда мне улыбался так искренне и открыто, что на губах цвела ответная улыбка, которую я не могла спрятать.

Парни из команды постоянно говорили, что Сережа в меня влюблен. Смеялись, что у него при виде меня слюни каплют, особенно Савельев, он у них старший, вроде детей тренирует. Он никогда в выражениях не стеснялся и даже при самом Сереже не забывал упомянуть свои догадки.

Мне все говорили это. Парни из команды, Юрий Владимирович, командный врач, который и помогал мне с практикой. А еще Оля, новый тренер команды по физической подготовке.

Только один Сережа все время молчал...

Он ни разу не сказал, что я ему нравлюсь. Смотрел посто-

янно, улыбался так, словно симпатия и правда есть, но молчал все время! Мужчины обычно ведь не скрывают такое, да? Или только наглые могут с порога заявлять о своих чувствах и намерениях?

Я до последнего ждала, что он признается мне. Потому что если бы сказал, что я ему нравлюсь, то я бы сразу ответила взаимностью. Потому что он мне – очень. Но сделать первый шаг так страшно! А вдруг отверг бы? Выставил душой? Сказал бы, что я все себе надумала...

Но Сережа молчал. Первый месяц, второй, третий... Я глупо верила в то, что он признается, когда я скажу, что мне придется уехать. Думала, скажет, что я ему нравлюсь, испугается потерять, попросит остаться.

И я бы осталась. Несмотря на то, что мне всего семнадцать и что родители были бы против. В этом городе у нас квартира, которую мы не стали продавать, я бы уговорила их оставить меня жить в ней, я уверена! Я работаю и сама обеспечиваю себя, помогаю ставить капельницы и уколы на дому, подрабатывая в больнице, получаю за практику в команде. Я бы справилась. Уговорила бы родителей и справилась, мы могли бы придумать что-то... Если бы он только намекнул. Если бы только сказал, что ему это нужно.

Но Сережа молчал. А я уже неделю ругалась с родителями и просила не забирать меня в новый город. И когда Сережа ничего не ответил мне, я сразу написала маме, что вечером буду собирать вещи.

И вот я стою на вокзале, в руках чемодан, а в сердце колючая боль.

Рядом мама с таким же чемоданом, а папа поехал на машине со всеми остальными вещами. Тут ехать-то... Часа четыре всего, соседний город. Но он крупнее нашего, там перспектив больше, а еще можно перевестись в более крутой вуз. Этим и был аргументирован наш переезд: чтобы я выучилась, получила достойное образование. Как будто я не знаю, что уезжаем мы из-за работы родителей, а не из-за волнения о моем обучении.

Сжимаю ручку чемодана и смотрю по сторонам, так глупо, наверное, надеясь, что Сережа залетит сейчас на вокзал и, как в фильмах, бросится ко мне с поцелуями и просьбами никуда не уезжать. Правда жду, высматриваю его в каждом прохожем, перестаю дышать на каждом хоть немного похожем внешне мужчине. Так глупо надеюсь на то, что и вправду ему нравлюсь и все разговоры были не просто так.

Но надежды так и остаются неисполненными.

Сережа не приходит, не обнимает меня, не просит остаться. Он... даже не звонит.

Проходит десять минут, наш поезд подъезжает к платформе, я еще раз в надежде осматриваю перрон, но, никого там не найдя, захожу в вагон, навсегда прощаясь с этим городом и оставляя в нем крошечную частичку своего сердца.

Видимо, все-таки не судьба.

– Не куксись, Аленка, найдется еще твой рыцарь, который

никуда не отпустит, – говорит мама, когда мы наконец-то размещаемся в вагоне. Она все знает о моей влюбленности в Сережу и обо всех глупых ожиданиях в отношении него. – А если отпустил, значит, не принц. Ну или не твой.

Мама правду говорит. Да и сама я тоже все понимаю. Но боль в груди от этого не меньше...

Папа злится. Мама рассказала ему о том, что я влюблена в парня, и, судя по всему, безответно. У нас вообще нет секретов друг от друга в семье, все построено на доверии и без сокрытия тайн. Но именно это я не хотела рассказывать папе. Потому что ко всем моим ухажерам, влюбленностям и даже воздыханиям по кому-то он относится очень резко. Единственная дочь, его принцесса, он не представляет, как это: делить меня еще с каким-то мужчиной.

– Я в порядке, мам. Просто буду скучать по городу, мне здесь нравилось.

Мне правда нравилось. Уютно, всегда чисто, все друг друга знают. Да и работала я в самом популярном месте города. Наш ледовый дворец во главе с хоккейной командой «Феникс» буквально главная достопримечательность. Половина города приходит поболеть за команду, вторая половина – полюбоваться ею.

– В новом городе будет еще лучше. Пойдешь учиться в новый вуз. Если папу инфаркт не хватит от информации, то можешь даже пожить в общежитии, если мы тебе надоели. А хочешь – иди в местную команду работать, раз тебе так нра-

вится. Не грусти, дочь, – говорит мама, накрывая мою руку своей ладонью. Она всегда меня так успокаивает, и каждый раз это каким-то чудом работает. – У тебя еще вся жизнь впереди, столько всего! Через пару месяцев ты даже не вспомнишь, что кто-то там не сумел признаться, что влюбился. А он будет локти кусать, когда тебе будет уже все равно.

– Спасибо, мам, – обнимаю ее крепко и на секунду прикрываю глаза. Мне не стало легче, конечно, но поддержка очень приятна.

Мы едем чуть больше четырех часов, в которые успеваем с мамой обсудить всех моих бывших одноклассников: мы очень любим вспоминать, кто как живет, кто чем дышит из них, – и я даже умудряюсь подремать на ее плече.

Встречает нас заказанное папой такси: сам он не успел за нами, разгружает вещи.

От вокзала едем минут пятнадцать всего, я рассматриваю город и не могу понять, что чувствую. Ну... красивый. Я тут не была еще. Родители ездили несколько раз, когда покупали квартиру, а я оставалась дома, кормила нашу кошку, ну и работала. О городе только из рассказов мамы знаю.

Он гораздо больше нашего, даже дороги шире. Людей много, все куда-то торопятся, тогда как наши живут чуть более размеренно. Не могу сказать, нравится ли мне. Внутри меня пока грусть и разочарование в человеке, в которого я впервые в жизни смогла влюбиться.

Квартира тоже вызывает смешанные чувства. Она про-

сторная, комнат в два раза больше, чем было в нашей. Но пока еще нет того уюта, что создавался годами. Нет моих детских рисунков, висящих на шкафу в маминой комнате, нет кучи статуэток, расставленных по полкам, и цветов на подоконниках, без которых мама не может жить.

Пока все во мне вызывает непонятные эмоции.

Но, может, со временем станет лучше? Деваться-то мне все равно уже некуда.

Глава 3

Сережа

Как же сильно болит голова... Каким-то чудом надо встать с кровати и пойти на учебу, но сил хватает только на то, чтобы обратно уснуть до обеда, нагло просыпая все пары.

Ай, к черту.

Менеджмент – не то, чем я хочу заниматься, меня все-таки больше манит хоккей. Зря я, что ли, целыми днями пытаюсь стать одним из лучших?

– Ты снова прогулял учебу, – ворчит ба, проходя мимо моей комнаты. Даже дверь не открывает, просто привычно бубнит.

– Знаю, ба, – отзываюсь. Мы не будем ссориться по этому поводу. Обычно констатацией факта все эти разговоры и заканчиваются.

Я в спортивный хотел поступить, но бабуля настояла на «нормальном» образовании, а теперь корит себя за то, что заставила меня идти туда, куда я не хотел, и теперь учусь через одно место, если не хуже.

– На тренировку-то не проспийшь? – все еще не открывает двери.

– Нет, она вечерняя сегодня. Сейчас встаю.

– Не выходи из комнаты, пока не проветришь, там пере-

гар, — снова говорит бабушка, и я жмурюсь от приступа головной боли.

Вчера мы с парнями решили погулять. Немного. Я даже не помню, с чего вдруг я решил так много пить, но это был первый и явно последний раз в моей жизни. Каким-то чудом надо оторвать себя от кровати и ожить, но это реально оказывается слишком сложно. С каждым болезненным движением я пытаюсь вспомнить хоть что-то со вчерашнего дня, но такое ощущение, что память отшибло вообще, начиная с утра. Реально ничего не помню, совсем.

С трудом, но встаю, открываю окно и вдыхаю свежий воздух: прохладно сегодня, судя по всему, ночью шел дождь, а с крыш до сих пор капает. Протягиваю руку и собираю несколько капель в ладонь, прикладывая их к щекам. Бодрит. Хорошо.

Вот не пил никогда, чего вчера решился? Не помню ни черта. Надо будет у парней спросить, что вообще было.

Дышу в окно еще минут двадцать и иду в душ. Мне бы ожить окончательно: до тренировок четыре часа, а у нас обе сегодня, каким-то чудом надо не сдохнуть. Перед началом нужно будет забежать к Аленке, пусть даст что-то выпить, подлечит меня.

Холодный душ и горячий бульон, заботливо или не очень приготовленный бабушкой, немного спасают, и я иду на улицу, чтобы добить себя порцией свежего воздуха. Хреново все еще, но лучше, чем было. До тренировки стараюсь сделать

все, чтобы Палыч не спалил моего состояния, потому что лететь мне тогда из команды моментально, резко и очень больно. К новеньким тут присматриваются, а я не то чтобы особо уже закрепившийся игрок. Мне техники не хватает, скорости, ловкости. Я стараюсь, конечно, но быстро все не приходит. Еще и сегодня такой косяк...

Прихожу в комплекс уже почти огурцом, бросаю сумку в раздевалке и иду к Аленке. Ходить к ней каждый день уже стало традицией, я даже заметил, что стучу как-то иначе, чем во все двери. Как будто какой-то идиотский код придумал и пользуюсь им, глупо надеясь, что она тоже это замечает.

Три коротких и быстрых стука и четвертый громче и резче, как точка, – и вхожу в кабинет.

На месте Алены сидит какая-то девушка, за другим столом – наш командный врач, Юрий Владимирович, которого на месте нет почти никогда. Они о чем-то разговаривают, но прерываются, поворачивая головы в мою сторону.

– А где Аленка? – спрашиваю, пытаюсь сообразить, что происходит. Не понял, правда, а где...

– Маша теперь вместо Аленки, знакомьтесь, – говорит Юрий Владимирович, и Маша тянет губы в улыбке. Сидит на месте Алены, а у меня отторжение прямо. Аленка должна быть, коса ее русая, улыбка смущенная.

– Привет, – говорит девчонка, хлопая ресницами. – Я Маша.

– А Алена-то где? – Не здороваюсь, у меня в голове одно зудит: найти Алену. Ритуал уже перед тренировкой или игрой к ней заглядывать, как будто, если ее увижу – точно получится все.

– Да переехала Алена, ты седьмой, кто спрашивает, сколько можно? – злится Мирыч. Мы так врача нашего называем, чтобы проще было.

– Куда переехала...

– Откуда я знаю? Мне не отчиталась. Уволилась, сказала, в другой город. Тебе лекарство надо? Если нет – иди куда шел, мы тут работаем.

Стою как истукан, не могу понять, о чем речь вообще. Переехала в другой город, уволилась. Что?

Разворачиваюсь, чтобы выйти, но замечаю на раковине колечко. Тоненькое, как веночек, Аленка носила. Забыла, видимо. Она всегда снимала его, когда руки мыла, я давно замечать стал это действие.

– Это Аленки, – беру кольцо в руки и отчитываюсь. Не хочу, чтобы меня вором считали. – Я отдам ей, можно?

– Да хоть в окно выкинь, не мешай только, – злится Мирыч, и я ухожу, зажав колечко в кулаке.

Останавливаюсь у стены и пытаюсь вспомнить. Я ведь вчера виделся с Аленой, вечером нажрался как свинья и забыл все вообще напрочь. А нажрался я, потому что...

«Мы с родителями переезжаем. Я не могу остаться одна в этом городе, мне приходится уезжать с ними, я... Я бы оста-

лась, наверное, но меня ведь ничего не держит здесь».

Твою ж...

Забыл это, потому что хотел забыть, поверить не мог. А сейчас резко вспомнил все и снова на душе гадко стало.

Точно. Она же сказала, что уезжает, и я из последних сил держался, чтобы не начать умолять ее остаться. Ушел, психанул, с пацанами в бар пошел, нажрался, чтобы не помнить ничего. И реально ведь забыл, даже разговор этот с ней в кабинете...

А теперь вместо нее Маша какая-то, и даже духами ее в кабинете не пахнет больше уже.

А как дальше-то?

Снимаю с себя цепочку, надеваю туда кольцо и цепляю обратно на шею. Пусть хоть так она рядом со мной будет, раз физически уже далеко. Она любила это колечко, как только забыть умудрилась?

Черт, я даже не знаю, куда она переехала! Не спросил ни черта!

Иду в раздевалку и без сил падаю на лавку, головой бьюсь об стену, но даже не больно. Я вообще не понимаю, что делать теперь. Помню мысли свои вчерашние, что не имел права уговаривать ее остаться. До сих пор так думаю, но без нее паршиво так, что, кажется, уже и мысли все неправильные.

Пацанов нет еще никого, тихо, аж тошно. Я пораньше приехал, к Аленке хотел, а в итоге?

Кольцо ее на цепочке болтается, бросаю его под майку, то

ли чтобы от глаз подальше, то ли чтобы к сердцу поближе.

Закрываю глаза и вспоминаю, как Аленка улыбалась всегда мне. Вот почему я не нашел в себе силы признаться раньше? Вдруг все было бы иначе?

– Серый, ты в порядке? – слышу краем уха. Открываю глаза – Коваль стоит. Смотрит на меня странно. Видимо, он меня не первый раз зовет, я не слышал ни черта. Опускаю голову и отвечаю:

– Аленка уехала. В другой город, навсегда.

– Наглее надо быть, Серый, чтобы девушки от тебя не уезжали, – говорит умник и идет к своему месту. Как будто мне эти слова помогут сейчас чем-то, даже если я в одночасье стану наглее.

– Что-то я не вижу, чтобы тебе твоя наглость в отношениях с Сергеевной помогала, – психую на него. Сам за Крохалевой бегают, а толку-то? Хотя Коваль наглый всем наглым.

– Мы просто не показываем, – тоже психует. За живое задел, по ходу. Но только впервые насрать и даже не стыдно.

Я даже не думал, что это может быть так больно. Аленка – первая девушка, которая вызывала во мне столько нежных чувств.

Но больше нет у меня Аленки.

И что делать с этим, я понятия не имею.

Пацаны приходят по очереди и каждый считает своим долгом спросить, что со мной. А со мной что? Собственная трусость, которая позволила мне отпустить девушку, в кото-

рую я влюбился. Всего-то.

Переодеваюсь и на тренировку выхожу последним. У нас земля, надо отвлечься, иначе Ольга Сергеевна загоняет всех, если нормально работать не буду. Уже и похмелье не беспокоит, все ушло резко, когда понял, что произошло.

– Серый, стоять, – слышу сбоку. Колосов. – Ты в порядке, точно? Если нет – вали домой. Толку от тебя мало будет в таком состоянии.

– Да нормально я, – выдавливаю улыбку. – Расклеился что-то, сейчас соберусь.

Хлопаю его по плечу и ухожу на улицу. Что-то я и правда расклеился, надо подобрать сопли. Толку с них? К Алене я точно не поеду, искать ее и пытаться вернуть тоже не буду. Отныне у нее своя жизнь, у меня своя. Несмотря на то, что общей у нас и не было-то никогда.

Надо взять себя в руки, пахать на тренировках, и... что там Коваль советовал? Стать наглее?

Ну, может, и это чем-то поможет. Посмотрим.

Глава 4

Алена

– Алена, завтракать, ты опоздаешь! – слышу голос мамы из кухни. Она волнуется больше меня и очень суетится. А все потому, что я еду устраиваться на работу. В такую же хоккейную команду, в какой я работала в родном городе, только... Название другое, спорткомплекс больше, люди другие, и вообще все другое, в общем-то.

Немного волнительно, но не больше. Главное, чтобы меня приняли, а остальное придет со временем. Работу я свою знаю, в силах своих уверена. Если я им подойду, то проблем быть не должно.

Только вот я никак не могу найти свое колечко!

– Алена, время! – снова ворчит мама, заходя в мою комнату. – Выезжать через полчаса, а ты еще не завтракала и толком не собрана.

– Мам, я сейчас, не могу найти свое кольцо, – продолжаю рыться в ящиках и все еще не разобранных коробках и сумках с вещами. Ну вот куда я его дела?! Надеюсь, оно не потерялось при переезде.

– Потом найдешь, собирайся.

А я не хочу потом! Мне словно жизненно необходимо найти его сейчас.

Мы тут уже две недели живем, каждый день я надеялась найти его в какой-нибудь сумке, но вещи уже почти все разобраны, а любимого кольца так и нет.

Оно недорогое и ничего особенного в нем нет, но дорого как память. Это колечко мне подарила бабушка, сказала, что с ним ей дедушка сделал предложение руки и сердца. Оно, правда, довольно скромное, но я его всем сердцем люблю. А тут... потеряла. Вот как так можно было?

— Иду, — вздыхаю и иду следом за мамой на кухню, потому что под ее пытливым взглядом точно ничего не найдется.

Через полчаса папа везет меня к огромному спорткомплексу, а еще через пятнадцать минут я уже иду по просторным коридорам, пытаюсь найти кабинет спортивного директора.

Казалось бы: все такое же. Но другое абсолютно.

Немного нервничаю, но стараюсь взять себя в руки. Папа сказал, что я его принцесса и у меня все получится. Хотелось бы верить!

На собеседовании оказывается не только спортивный директор, но и спортивный врач команды. Он немного похож на Юрия Владимировича из «Феникса», и я сдерживаю смех, думая, что они везде одинаковые: невысокого роста и немного полноватые.

Мы разговариваем недолго, и они соглашаются взять меня на место помощника и командной медсестры. Волнительно еще больше!

С одной стороны, дико радостно: я справилась. А с другой... я еще сильнее привязала себя к этому городу. Кажется, с переездом придется все-таки смириться.

Иногда я вздрагиваю от звука пришедшего сообщения и все еще надеюсь, что это Сережа, а потом облегченно вздыхаю, когда понимаю, что это не он.

Наверное, напиши он мне – мне было бы только сложнее жить здесь. А так... смогу его забыть. Когда-нибудь. Мама всегда говорит, что все проходит и это пройдет. Предпочитаю ей верить. Пройдет.

– В целом, можете приступать хоть завтра. Тренировки у нас каждый день, витамины раздавать и помощь оказывать всегда нужно, да и если вы уже работали в другой команде, сами должны все понимать, – говорит Степан Сергеевич, мой новый наставник, врач хоккейного клуба «Титан».

– Да, понимаю все, конечно. И совершенно не против выйти уже завтра. С утра?

– Сбросим расписание, у нас есть свободное от тренировок хоккеистов время, поэтому график нужно будет выучить, чтобы не путаться, в какой день в какое время начинается работа. Это не проблема? – спрашивает спортивный директор.

– Не проблема, конечно. – Это действительно не проблема, тем более что на учебе мне разрешили оформить график свободного посещения, если будет работа, поэтому смогу успеть все.

Выхожу из кабинета в приподнятом настроении: пора начинать новую жизнь. Я не могу жить неудавшимся прошлым долгие годы. И не хочу больше страдать и грустить.

– И что это за цыпленок в наших краях появился? – звучит грубый и насмешливый голос справа, когда иду по большому холлу к выходу. Поворачиваю голову – вижу парня. На губах ухмылка, наглостью и самоуверенностью за версту тянет.

– Ты это мне?

– Ты видишь здесь еще цыпят? – Он мне не нравится. С первого взгляда не нравится.

Парень встает и подходит ко мне, а я как вкопанная стою и просто смотрю на него. Вряд ли он что-то мне сделает, конечно, в комплексе при толпе людей, но не по себе все равно становится.

– Ты не ответила, – усмехается и подходит почти вплотную. Он очень высокий, я даже не вижу его лица толком. Точно как Савельев у нас в «Фениксе» был. Только тот хороший, а этот неприятный до ужаса.

– Не отвечаю на глупые вопросы, – говорю, набравшись смелости, куда-то в район его груди.

– Саня, отвали от нее, – внезапно звучит сзади, и я чувствую крепкую хватку на своем запястье, а потом делаю пару шагов вслед за парнем, потому что он тянет меня за руку.

Я не знаю, кто он. Чуть ниже, чем этот, но тоже высокий. Со светлыми волосами, сильными и теплыми руками и, видимо, не самыми дружескими отношениями с этим Саней.

По крайней мере, так кажется на первый взгляд.

– А что, твоя? – кивает он на меня. Мне становится еще противнее. Они же в курсе, что я еще здесь, да?

– Просто свали, – говорит этот второй и тянет меня к выходу, а я просто иду, как кукла послушная плетусь за ним, не понимая, что происходит. – Как тебя зовут? – спрашивает, как только мы выходим на улицу.

– Алена. А ты?

– Я Максим. Не знаю, Алена, что ты тут делаешь, но с Санией будь аккуратна. Он умело пудрит мозги хорошим девочкам вроде тебя. Я предупредил.

– А ты всем помогаешь или только мне повезло? – Ситуация уже веселит. Это что еще за Робин Гуд? Появился непонятно откуда, советы вот раздает.

– Он сестру мою обманул, она неделю уже из-за него рыдает. Не перевариваю я его, а ты хорошая, сразу видно. Если лезу куда не стоит – скажи, я отвалю. Просто на него у меня рефлексы срабатывают, вот и подошел сразу.

– Да нет, я... спасибо, на самом деле. Неприятный тип, – отвечаю, отчего-то смутившись. И правда, что это я? Мне ведь на самом деле помогли, стоило бы сразу спасибо сказать.

Максим кивает, отпускает мою руку и просто уходит. Молча. Даже не попрощавшись или что-то типа того, оставляя меня и дальше недоумевать на крыльце спорткомплекса.

Слышу гудок машины: папа! Вылетаю из своих мыслей и

несусь к нему, придерживая на плече рюкзак.

– Устроиться не успела, а уже ухажеры? – смеется, как только сажусь в машину. – Видишь, а ты страдала по тому парню. Тут других целая толпа уже около тебя вьется.

Вздыхаю. Да уж... Толпа не толпа, конечно, да и ухажерами их точно не назвать. Но по Сереже и правда пора перестать страдать.

С ним все-таки точно не судьба.

Глава 5

Алена

Два года спустя

– Аленка, поставь укол, будь другом, а, колено разваливается, – стонет один из игроков «Титана», Саша.

Пару лет назад наше с ним знакомство нельзя было назвать удачным, но спустя какое-то время мы стали неплохо общаться, да и он изменился. Ну или любовь его изменила, не знаю. Он встречается с сестрой моего друга Максима, стал нормальным человеком, хороший парень. А еще говорят, что любовь не меняет людей. Еще как меняет! Я два года назад смотреть в его сторону не могла, а сейчас прямо скажу – приятный человек.

Вредный только до ужаса, потому что себя не бережет совсем.

– Нет, Саша, тебе нужно на рентген! Никаких уколов, и на лед тебя не пушу сегодня, ясно тебе?

– Цыпленочек, ну мне очень нужно, – прозвище, к слову, так и прилипло ко мне, да и я привыкла, даже нравится, – у нас через три дня игра важная, тренироваться надо!

– А я сказала – нет, если не хочешь, чтобы эта игра стала последней в твоей жизни. Брысь в больницу, или я пожалуйюсь тренеру!

Этот дурак упал на колено на уличной тренировке, у него вылезло две шишки размером с теннисные мячи прямо под коленом, а он уже три дня бегает за уколами, уверяя, что ничего у него не болит. Как ребенок, даром что рост два метра.

— Когда ты к нам только пришла, такой вредной не была, — ворчит противный Синицын, держась за колено руками.

Да, не была. Но два года работы с упрямыми и твердо-лобыми мужчинами сделали свое дело. С ними нужно быть строже и увереннее, чем я была два года назад. Поэтому приходится справляться. Частенько звоню Оле Ковалевой и прошу совета, как правильно обращаться с ними. Она тренер по физической подготовке «Феникса», в котором я раньше работала, вот кто точно умеет с этими великовозрастными детьми справляться.

Все, кто знает меня давно, говорят, что я изменилась, и Оля в том числе. Надеюсь, в лучшую сторону.

Я привыкла ко всему. И к городу, и к новой команде, и друзей завела здесь. В родной город уже почти не хочется возвращаться, да и не к кому. Только вот с Олей увидиться бы хотелось, мы подружились, а так... Наверное, все. Только с Олей.

Я была там пару раз, встречалась со школьными подругами, виделась с Ковалевой в кофейне и ходила с папой проверить нашу старую квартиру, потому что она стоит пустая и в ней никто не живет. Но желания остаться там больше не возникало. Наверное, я все-таки смогла освоиться здесь

и отпустить все то, что так тянуло меня в родной город.

– Держи направление, – протягиваю Саше бумагу с направлением на рентген, – сделаешь, сходишь к врачу и мне позвонишь. Иди.

– Вредина ты, Аленушка, – ворчит, встает с кушетки и ковыляет к двери, на выходе сталкиваясь с Максимом.

Максим Старцев – мой лучший друг. Да и человек прекрасный. Мы подружились с ним почти сразу после знакомства. Это он долгих два года назад оттащил меня от этого Саши, уверяя, что тот очень плохой человек. А сейчас они почти родственники, потому что Саша и сестра Макса Соня наверняка скоро поженятся.

Удивительно, но у нас со Старцевым очень много общего, хотя мы до ужаса разные. Всегда находим, о чем поговорить и где погулять, или просто любим посмотреть фильм с огромной пачкой чипсов наперевес. Единственный его минус – он не оставляет попыток начать со мной отношения. Стабильно раз в месяц он либо намекает, либо говорит прямо, что я ему нравлюсь и он хочет быть со мной, а я снова и так же стабильно ему отказываю. Мы не ссоримся на этой почве, просто живем дальше, словно ничего и не было. Максим снова весь месяц находится рядом, исполняя роль самого прекрасного друга, а потом еще раз пытается добиться от меня чего-то, и так по кругу.

А я... я не хочу. Не готова я к отношениям, если честно, да и просто желания почему-то нет. Последний раз я бы-

ла влюблена в Сережу из «Феникса» и страдала по нему довольно долгое время, несмотря на то, что мы даже не встречались и что я пообещала себе долго не плакать из-за «рассставания» с ним.

– Кино или кафе? – говорит Максим с порога, резко вырывая меня из мыслей. Я даже вздрагиваю от неожиданности и громкости его голоса.

– Парк и молочные коктейли есть в программе? – усмехаясь, перечеркивая все варианты Старцева.

– Найдем, – подмигивает мне. – Зайду за тобой в семь, не опаздывай.

Внутри какое-то странное ощущение. Словно что-то должно случиться. Хотя еще месяц не прошел, признаний на горизонте не ожидается. Не то чтобы Максим придерживался какого-то графика, расписанного поминутно, когда он будет пытаться меня добиваться. Ну... я надеюсь, что такого нет. Просто практика показывает, что это происходит примерно каждые четыре-пять недель. А последняя попытка добиться от меня «да» была около двух недель назад. Он тогда на очередной прогулке обнял меня, прижал к себе, погладил по волосам смешно и сказал:

– Давай встречаться?

Я ответила «нет», и мы просто продолжили гулять.

Вообще мне кажутся очень странными его настойчивость и упрямство. Сережа-то даже ни разу не сказал, что нравлюсь ему, хотя вокруг все твердили об этом. А этот без оста-

новки напоминает о симпатии, не давая даже выдохнуть.

Я, конечно, вспоминаю Булгакова. Мне интересно, играет ли он еще за «Феникс», изменился ли за эти два года, нашел ли любовь... Я могу ответить себе на первый вопрос, просто зайдя на сайт команды, но... не хочу. Я решила отпустить, и я отпустила. А мелкие воспоминания ничего не значат. Это ведь просто жизнь, из этих воспоминаний она и складывается. Без них было бы совсем грустно, а так у меня в душе живет часть воспоминаний двухлетней давности, в которых, семнадцатилетняя, я была влюблена в молодого и перспективного хоккеиста.

Почти мило.

Почти.

Тревога на душе никуда не уходит до самого вечера, я даже выпиваю успокоительное, чтобы успокоить колотящееся сердце. Мне странно и немного жутко от этого состояния. Звоню маме и папе несколько раз на дню, чтобы услышать, что с ними все хорошо, прошу всю команду зайти на осмотр на всякий случай.

Я вообще человек с повышенной тревожностью и неплохо развитым предчувствием. Поэтому такое состояние обычно до добра не доводит. Волнуюсь.

Вечером за мной заходит Максим, как всегда улыбочивый и с огромной сумкой на плече.

– Гулять готова?

А я не то чтобы очень... Но обижать его не хочу. Он всегда

рядом, всегда поможет, а я и так отвергаю его раз за разом. В прогулке не откажу, тем более и самой пройтись не мешало бы.

Киваю ему, собираю сумку, снимаю халат и выхожу из кабинета, где меня тут же ловит за локоть наш спортивный директор, Игорь Викторович:

– Аленушка, задержись! Нужно несколько бумаг подписать, буквально пару минут.

Тихонько хохочу от того, как Максим закатывает глаза, и выполняю просьбу спортивного директора.

Он протягивает мне бумаги и что-то активно читает в своем телефоне, а я вчитываюсь в написанное и немного не понимаю, что я должна подписать:

– Игорь Викторович, какие сборы?

– Да ежегодные, в прошлом году Степан Сергеевич ездил, в этом году тебя отправить решили, как командного врача. Уезжаем через две недели, а если точнее – шестнадцать дней. Нужна подпись, – говорит, даже не отвлекаясь от телефона. Интересное кино!

– А я вроде согласия не давала.

Эти слова заставляют его оторваться от экрана мобильного. Он смотрит на меня исподлобья, как на дурочку. Как будто я не могу говорить это серьезно.

– Мне не нужно ваше согласие. Мне нужна ваша подпись. Вас отправляют как командного врача. Это командировка, Алена.

Выдыхаю. Ну почему нельзя было просто предупредить заранее? У нашего спортивного директора явно с этим проблемы, он постоянно все говорит в самый последний момент.

У меня учеба, в конце концов, нужно придумать, как уехать на два месяца без последствий.

– Подпишете? – давит на меня директор, и я сдаюсь. Куда деваться-то? Хоть на море побываю... Я слышала, они на сборы к морю ездят.

Ставлю подписи на документах и снова выхожу из кабинета. Неужели из-за этого меня так трясло целый день? Да, неприятный вышел диалог, конечно, и то, что в приказном тоне все, но ничего ведь смертельного не случилось.

– Что ему надо было? – спрашивает Максим, как только Игорь Викторович скрывается за углом коридора.

– Подписи на документах о сборах. Меня с вами командным врачом направляют вместо Сергея Семеновича.

Я вижу, как загораются глаза у него от этих слов. Максим не силен в сокрытии своих эмоций, всегда все на лице у него написано, а то и нарисовано.

– И чему ты радуешься? – спрашиваю сразу, потому что эта улыбка до ушей уж слишком подозрительная.

– Ну как? Во-первых, сборы – это просто супервесело. Во-вторых – это море, а значит, на тебе явно будет не медицинский халат. Ну и в-третьих: море, пляж, вечер, луна, мы с тобой только вдвоем, разговоры по душам... Это должно растопить твоё сердце.

О, он явно решил отойти от графика намеков на отношения. Слишком часто стал упоминать об этом.

И с чего он вообще решил, что море и пляж повлияют на мои к нему чувства?

– У меня не ледышка в груди, Максим, там нечего топить, – смеюсь, а на самом деле грущу немного. Там не ледышка, там, наверное, камень уже непробиваемый.

– В любом случае, я думаю, поездкой мы останемся довольны.

Он рад слишком сильно, я уже предчувствую миллион намеков, разговоров и прочего в эти два месяца. Боже... Все-таки жаль, что нельзя отказаться.

– Я еду туда работать, Максим, – говорю и ухожу чуть вперед, заканчивая разговор. Я не хочу слушать то, как он собирается добиваться меня в этой поездке. Наверное, я недостаточно холодно и грубо каждый раз говорю ему «нет».

Глава 6

Сережа

Два года спустя после первых событий

Телефон звонит в кармане уже третий раз, но трубку взять мне пока неудобно. Я лежу в довольно кривой позе на кушетке тату-мастера, который добивает мне татуху на ребрах, уходящую на бок и поясницу.

Надеюсь, мне звонит не тренер с желанием убить меня за что-то, остальное переживу. На тренировке утром я был, вечернюю отменили сегодня. У нас выезд послезавтра на несколько дней, тренер нас бережет перед этим, чтобы мы не сломались перед важными играми.

А тут игра реально важная. Сезон закрываем, финал, за первое место бороться будем. Потом сборы два месяца, неделька отдыха и в новый сезон с новыми силами.

Когда телефон звонит в пятый раз, мастер сам достает его из кармана и протягивает мне, видимо, тоже устав слушать противный звук стандартной мелодии.

Коваль. Что стряслось-то?

– Коваль, если никто не умер, то какого хрена?

– Ты где? – ворчит недовольно. – Я звоню тебе полчаса!

– Татуху я бую, что случилось?

– На тебе живого места нет уже, Серый, завязывай, – го-

ворит Тоха. Они все так в команде говорят, я привык уже. – Короче, надо в комплекс подъехать вечером, Палыч всех велел собрать, там что-то с выездом обсудить надо.

– И из-за этого ты трезвонил? Серьезно?

– Тренер сказал, кто не явится – яйца оторвет. Если тебе твои не дороги...

– Ладно, – сдаюсь. – Спасибо. Я буду.

Если тренер сказал, что оторвет, то сомневаться не стоит – оторвет. Поэтому лучше и правда явиться, даже если он хочет напомнить, что выезжать нам в восемь утра.

– Минут двадцать – и готово, – говорит мастер. Мы с ним давно знакомы. Все рисунки на теле – его рук дело. Меня торкнуло что-то пару лет назад, решил сделать одну себе. А дальше все как в тумане. Тату, спортзал, пара пирсингов, и старые знакомые меня перестали узнавать.

Это все мужики из команды виноваты. Когда Алена уехала, все уши прожужжали, что я ребенок, что стеснительный, что наглее надо быть и все остальное. Но стать наглее с моей прошлой внешностью – это из разряда фантастики. А сейчас вроде справляюсь. По стопам пошел, так сказать, сокомандников.

В комплекс приезжаю вовремя, собираемся всей командой в холле и ждем тренера. Обычно такие сборы он просто так не делает, значит, на самом деле важное что-то.

Он приходит минут через семь и сразу начинает вещать.

Рассказывает о времени выезда, как детям малым, потом о

предстоящих сборах, потом о том, что финал всегда травмоопасен и нужно быть аккуратнее, а потом о том, что Машка, медсестра наша, короной заболела и с нами на выезд ехать некому из врачей. Главный наш давно не появляется, он болеет серьезно, за старшую Машка была. А тут все, никого не осталось.

– Поэтому постарайтесь не травмироваться, – финалит Палыч. – Врач соперника – тоже соперник. Нужно помнить и это тоже.

М-да... так себе повесточка на самом деле. Без врача ехать даже стремно как-то. На чужих надеяться не вариант, у них всегда будут свои в приоритете, а не мы.

– Меня все услышали? Берем пример с Булгакова и играем аккуратно. Задавим их профессионализмом, а не драками.

Тренер всегда меня в пример ставит, как самого неконфликтного игрока. Я, кажется, единственный, кто на льду еще ни с кем не дрался. Да повода не было, если честно. Я вообще драться не особо люблю, мне привычнее разговорами все решать.

– Да «Титан» играет как медведи разъяренные, ломают всех подряд!

– Значит, не ломайтесь.

Минут десять еще обсуждаем предстоящую поездку и расходимся по домам. Сегодня все-таки без второй тренировки, поэтому освобождаемся рано. Захожу в магазин и по-

купаю для ба ее любимую шоколадку. Обычно я поздно прихожу, она спит уже, а сегодня вот повод есть порадовать ее.

— Ба, я дома! — кричу с порога. Я живу с бабушкой сколько себя помню. Трагичной истории нет: папа бросил маму, а мама в погоне за новой жизнью бросила меня. Банальщина. Ба вообще в деревне жила, и я, когда в «Феникс» перешел, самостоятельно жить стал. Но она болеть начала, сердце, нервы, и я ее долгими спорами и уговорами к себе забрал. Она одна у меня, а я у нее, должен быть рядом.

— Ой, Сережка, ты так рано сегодня! — Ба всегда улыбается, когда видимся. Рада меня видеть в любом состоянии, с любой внешностью и в любой период жизни.

— Да тренировку отменили. Ба, нам уехать надо будет в другой город на игру. А потом будут сборы в Сочи, два месяца. Тебе придется одной пожить, — говорю и чувствую, как от этих слов сам волнуюсь. Я уезжал на игры, конечно, но на два месяца ее еще не бросал. Переживаю. Как она тут без меня?

Вообще нормально, конечно. Ба у меня молодая еще, полна сил, просто сердце из-за нервов шалит. От этого и переживаю.

— Езжай, сынок, ну что со мной будет?

«Сынок» — так она меня всю жизнь называет, а я и не против.

— Обещай, что не будешь забывать пить лекарства, — напоминаю ей, потому что вечно забывает. То она себя чув-

ствовала хорошо, то про время забыла, то еще что-то. Не бабушка, а маленький ребенок. А ей вообще нельзя пропускать прием всех таблеток, потому что прописали их на постоянной основе, чтобы проблем не было никаких.

– Не забуду, – говорит ба и ставит чайник, а в словах ее честности ну практически нет.

– Я тебе будильники поставлю на телефоне на время приема лекарств. И чтобы без самостоятельности. Слышишь меня?

– Да слышу я, Сережа, все нормально будет. Ты голодный? Голодный, конечно. Слона бы съел, за целый день ни крошки.

Киваю бабушке, но словам о лекарствах все еще не доверяю. Надо все самому проверять.

Напишу ей записку на холодильник с названием всех таблеток, будильники поставлю, и соседку, тетю Лену, попрошу почаще навещать.

Слишком я переживаю. Ненормально даже, наверное, но она одна у меня, я не прощу себе, если с ней что-то случится.

Не понимаю, как мать моя может вообще не интересоваться ее состоянием. Ладно ей на меня плевать, это я давно понял, принял и отпустил. Но не вспоминать даже о ней... Не могу я понять этого, это дико для меня.

Она меня бросила, когда я совсем мелкий был, но все равно порой думаю, как она там, не болеет ли, нормально ли живет, всего ли хватает. Хотя я ее даже не помню практиче-

ски. Единственное воспоминание о ней – это как она в мои года четыре приехала в гости на Новый год и задержалась на целых пару дней. С тех пор я понятия не имею, как живет эта женщина.

Надеюсь, она жива и с ней все в порядке. А мы и без нее справляемся. Бабушку только жалко. Она ее единственная дочь.

– Сережа, я забыла тебе отдать, – говорит бабушка и почти убегает в комнату, возвращаясь через минуту. – Я уборку сегодня делала, нашла твою старую цепочку. За кроватью лежала, представляешь? Я ее пылесосом случайно зацепила, так и нашла. Держи.

Она протягивает мне цепочку, и я зависаю. Я потерял ее примерно полгода назад, до этого носил не снимая. Не мог найти даже за кроватью, хотя искал, везде смотрел. Не помню, как потерял, просто проснулся без нее.

Это та цепочка, на которой висит кольцо Аленки. И оно тоже на месте. До сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.